

Китайские капиталы и оружие для Азии

“Капиталы для Китая” (декабрь 1994 г.) и “Оружие для Азии” (январь 1995 г.) – одни из последних работ Арриго Черветто. Они входят в серию статей, посвящённых социальным, политическим и военным последствиям вторжения Азии в многополярный мир.

Уже в статье 1992 года “Перевооружение в Азии” отмечалось, что конец “холодной войны” привёл в Азии к восхождению Китая, в том числе и в военной сфере. В процессе империалистического соревнования Китая соответственно менялись соотношения сил с Японией, Индией и Соединёнными Штатами. Быстрое развитие региона, подкреплённое стремительной пролетаризацией, привлекало массы капитала и подпитывало напряжённость. В это вмешивались старые метрополии империализма, предоставляя огромные потоки кредитов и оружия. Мнимый “конец истории”, превозносимый на Западе в благостном мифе о глобализации, был встречен на Востоке масштабной гонкой вооружений, которая раскрывала природу этого глобального развития и создавала новый баланс сил.

Тридцать лет спустя эти тенденции неравномерного империалистического развития, которые тогда лишь намечались, полностью реализовались. Показательно, что сегодня и капиталы, и оружие поступают уже из Китая. Дракон занял своё место в азиатском балансе сил, изменив при этом расчёты всех столиц. Вашингтон, открывшийся Пекину в 1971 году – как шаг сперва против Москвы, но также и против Токио, – впоследствии стал использовать асимметричный союз со Страной восходящего солнца, чтобы уравновесить поднимающегося Дракона, а также прибег к игре баланса с Индийским слоном, более или менее последовательной. По формулировке Уолтера Рассела Мида, вероятно одобренной Генри Киссинджером, США должны были сдерживать Китай военной силой, пока развитие остальной Азии, прежде всего Индии, не создаст новую региональную конфигурацию – многополярную Азию в индийской доктрине – способную уравновесить Китай или, по крайней мере, освободить США от части расходов на поддержание равновесия. Это предполагало долгосрочный расчёт, учитывающий неравномерное развитие, и требовало от ряда американских администраций систематического присутствия в Азии для контроля за «временным окном» усиления Китая – в ожидании появления региональных противовесов. Остается увидеть, в какой степени *торговая война* Дональда Трампа заставит союзников присоединиться к этому плану или, наоборот, оттолкнёт их, если, конечно, эта стратегия будет подтверждена его администрацией.

С одной стороны, азиатские столицы не могут исключать, что Вашингтон вернётся к приоритету прямого канала связи с Пекином, стремясь сохранить за собой прерогативу оставаться в центре всех отношений. С другой стороны – и это настоящая противоположность схеме Мида, – растущее влияние Китая подталкивает государства Азии к поиску более сложного баланса. Это своего рода “и хочется, и колется”: прочие азиатские державы привлекает экономический вес Китая, но в то же время настораживает его военная мощь; они рассчитывают использовать его экономическим импульсом, но при этом сталкиваются с конкуренцией со стороны его крупных групп. Пример Индии: она не хочет поддаваться влиянию Пекина, но боится отстать, если откажется принять часть его капиталов. В любом случае, ни одна держава не может не учитывать китайский фактор при формировании своего экономического и внешнеполитического курса. В конце концов, именно империалистическое развитие Пекина, которое теперь проявляется в финансовой, политической и военной сферах, подталкивает все азиатские державы к многовекторности.

Статья в *Financial Times* о конкуренции между Китаем и Индией в Юго-Восточной Азии содержит несколько идей для изучения инструментов китайского влияния. Газета из Сити оспаривает поспешную гипотезу *Le Monde* об «азиатской весне» – политических кризисах в Шри-Ланке, Бангладеш и Непале – которую французское издание поспешило распространить также на Индонезию и Филиппины. По утверждению *Financial Times*, Китай действовал в этих странах, устанавливая связи как с правящими, так и с оппозиционными силами, извлекая выгоду из «переориентации» соседей Индии. Показателен пример Бангладеш, на который повлияли капиталы “Шёлкового пути”, поставки оружия и открытие китайского рынка для бенгальских товаров с нулевыми пошлинами.

По мнению *Financial Times* – а, предположительно, и принадлежащей ей японской *Nikkei* – даже если США остаются безразличными к перемещениям на азиатской периферии, Япония

равнодушием не отличается. Полёты истребителей и передвижения подводных лодок, сопровождающие миллиарды юаней, в Токио внимательно отслеживают.

Исследование Rhodium Group из Нью-Йорка подтверждает ускорение движения капитала из Пекина в Юго-Восточную Азию, что связано с сочетанием трёх тенденций. Первая – это капиталистическое развитие региона, где до пандемии рост пролетариата превышал 4 % в год и формировались крупные рынки сбыта средств производства – ещё прежде, чем появились массовые рынки потребительских товаров. Вторая тенденция – это реструктуризация китайской промышленности, которая выступает в качестве движущей силы миграции целых отраслей из Поднебесной в быстро развивающиеся соседние азиатские страны. Наконец, к этому добавилась диверсификация из Китая, предпринятая европейскими и американскими группами в ответ на торговую войну во время первого президентского мандата Трампа, продолженную и при Джо Байдене. Непреднамеренным результатом стало то, что китайские поставщики тех же европейских и американских групп часто следовали за ними, а иногда и опережали их в переносе производства в Азию. По иронии судьбы, стратегия "Китай+1" немецких концернов – оставаться в Китае и одновременно на другом крупном рынке, чтобы снизить риски – была применена самим Китаем.

Учитывая использование холдингов и оффшорных структур – что особенно характерно для Пекина, поскольку значительная часть его иностранного капитала проходит через Гонконг и Сингапур, а также через ряд налоговых гаваней, хорошо известных старым державам, – можно оценить, что Юго-Восточная Азия поглотила большую часть китайских иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность. Треть потока за последние три года направилась в Индонезию. В свою очередь, китайские потоки составили треть иностранных инвестиций в регионе.

Китайское текстильное производство было одним из первых перенесённых в Юго-Восточную Азию, прежде всего во Вьетнам. Затем с новой азиатской базы оно нанесло удар по индонезийской текстильной промышленности, вызвав волну банкротств в последние годы. Затем последовали инвестиции в производство бытовой техники во Вьетнаме, Камбодже и Индонезии, привлечённые растущим спросом на внутренних рынках. Электроника стала частью третьей волны, следуя за западными компаниями, которые пытались уменьшить свою зависимость от Китая. Малайзия привлекла 67 % инвестиций в полупроводники, а Вьетнам – 85 % в бытовую электронику в период с 2018 по 2024 год. Наконец, четвёртая волна, начавшаяся с комплектующих и распространившаяся на электромобили, продолжается с 2021 года, с потоками в Таиланд, Вьетнам и Камбоджу в производство комплектующих; в Индонезию, Таиланд, Филиппины и Вьетнам – производство автомобилей; в Малайзию – выпуск батарей и в Индонезию – производство никеля.

Существует и японский контрапункт, на который указывают источники в Сингапуре: японские компании сохранили своё значение, несмотря на низкие темпы роста после 1990-х годов. Это особенно очевидно в Таиланде, "Детройте Юго-Восточной Азии", где японские автомобильные концерны продолжают доминировать на рынке. Китай будет и дальше инвестировать в менее развитые экономики и секторы, в то время как Япония и Корея по-прежнему будут завоёывать более богатые рынки. На карту поставлены сроки реструктуризации Китая в азиатской конкуренции капиталов.

Ещё более быстрыми кажутся темпы перевооружения. По данным лондонского Международного института стратегических исследований (IISS), растущий экспорт оружия из Пекина сочетается с перевооружением Азии и множественными альянсами региональных игроков. Совместные учения, военные соглашения и военные заказы – вот формы, которые принимают азиатские многосторонние альянсы перед лицом военного гиганта Китая. Последний владеет третьей подводных лодок и кораблей выше уровня корветов в регионе, а также двумя пятью боевых самолётов, если исключить силы азиатского развёртывания США. За последние два года Пекин провёл военные учения на различных уровнях с каждой из основных стран Юго-Восточной Азии, за исключением Филиппин. В то же время региональные игроки участвовали в маневрах с США и заключали соглашения между собой: Токио и Манила о взаимном доступе к базам, Канберра и Джакарта о военном сотрудничестве и так далее.

Согласно отчёту IISS за 2024 год, «*Азия становится очагом развития в подводной войне*» и крупным рынком расширения флотов. Значительным является присутствие немецких поставщиков, ускользнувшее от внимания крупной европейской прессы, в то время как поставки китайских подводных лодок в Мьянму, Таиланд, Бангладеш и Пакистан резко увеличиваются. Следует учитывать, что на рынке крупного оружия особое значение имеют подержанные образцы техники, которые часто используются для передачи технологий и получения новых заказов. В 1998 году Китай купил у Украины российский авианосец, который затем стал первым китайским авианосцем; в 2004 году Индия последовала его примеру, купив у Москвы списанный авианосец «Горшков». Точно так же многие азиатские страны обращаются к старым российским или западным кораблям в своих военно-морских программах. Джакарта недавно приобрела авианосец «Гарибальди» у Италии; Бангладеш с 2014 года использовал подержанные китайские фрегаты и обратился к Пекину за подводными лодками. То же самое делает Пакистан, переходя от французских поставщиков к китайским. Токио также не остался в стороне – он передал Филиппинам три списанных эсминца.

Хели Десаи из Совета по стратегическим и оборонным исследованиям в Нью-Дели, основанного Хаппимоном Джейкобом, пишет в газете *The Hindu*, что «*в следующем кризисе между Индией и Пакистаном военно-морской фактор вряд ли останется на вторых ролях*». Автор призывает не считать превосходство Индии само собой разумеющимся, как это произошло в мае во время воздушного столкновения, стоявшего Нью-Дели нескольких истребителей, сбитых китайскими J-10, поставляемыми Пакистану. Исламабад вводит в эксплуатацию подводные лодки китайской разработки и корветы из Турции. Всё очевиднее растущее давление, побуждающее стороны продемонстрировать надёжность своих конвенциональных сдерживающих потенциалов, тогда как китайские вооружения распространяются по соседним с Индией странам. Бангладеш планирует приобрести 20 истребителей Chengdu J-10. Однако настоящим переходом через Рубикон для Китая является военная многовекторность Индонезии, которая планирует приобрести 43 истребителя J-10 в дополнение к французским и американским поставкам: это важный шаг для первой державы Юго-Восточной Азии. Согласно авторитетным китайским источникам, Малайзия также проявляет интерес.

То, что в азиатском эпицентре развернётся гонка нового цикла мирового перевооружения, было почти предсказуемо и, как бы то ни было, широко прогнозировалось марксистским анализом. Однако последствия перекрёстных движений капитала и оружия в системе государств требуют специального анализа, который должен учитывать как военные соглашения с Китаем, так и международную реакцию на его перевооружение, предвещающую завтрашние соглашения и разломы.

Октябрь 2025 г.